

АЛЕКСАНДР МИРОНОВ

Смех мой, агнче, ангеле ветренный
Подари мне венец петления
Бог невидимый — смех серебряный
Светлый Бог океана темного.

Бес, над трупом моим хохочущий,
Враг, пятой меня попирающий,
Смех- любовник мой вечно плачущий,
Узник в камере мира темного.

Смех, страдающий в танце дервишей,
Я Иуда твой, друг тринадцатый,
Приготовь мне петлю пеньковую,
Бог мой — смех меня отрицающий.

1973 г.

Х О Р О В О Д Д И О Н И С А

В военном космосе — скажите-ка на милость —
 Слепая бабочка и вера заблудилась;
 В военном хороводе чисел-слов
 Ничтожно малая душа или число.

Все кружатся, одной объаты думой —
 Невидима, но нерушима связь —
 Звезда крылатая, орал и лев угрюмый
 С генералиссимусом — эросом кружась.

Лихие музы среди буйных танцев
 Вином любви подпаивают старцев,
 Чтоб возбудить, хотя бы в трех иль в двух
 Воинственный и непреклонный дух.

Кружится все. К Единому взывая,
 Хор ангельский все ближе, все ясней,
 И я кружусь, но бабочка больная
 Мутит мне совесть состраданьем к ней.

Умири же, бедная, как умирает жалость,
 Расхожая порхающая дрянь,
 И офицерской ~~мундирной~~ формой не смущаясь,
 Афиной всенародною восстань.

1974 г.

То не юноши ноша, то мука ахейского слава —
Ахинея в крови, ахинея в душистых словах.
Плод познания горчит, невесом, словно римское право—
Ах, какие плоды нам в июне Господь даровал.

Но какую печаль мы придумаем в грешном июле?
Золотистое слово на веточке тленной висит.
Так не падают люди, и кружатся, кружатся пули,
И урод недоношенный громче нормальных кричит.

И скажу это громко — без слов, без надежды, без страха
И останется что-то — укроха, надежда, душа,
И останется память — сплошной инсулиновый сахар,
И молитва в крови — Ахинея о длинных ушах.

Вот и сказано слово, однако, как трудно мне было
Превозмочь немоту, словно тело свое преступить,
В позолоченном небе — Свидетели, Ангелы, Силы.
Надо в грешном июле, как в скошенном августе жить.

1975 г.

Романс

Д В А Р О М А Н С А

Как китайской иглой меня укололи
На французский манер: засветилась картина
На стене моей спальни, на холсте моей боли.
Я пирожных сегодня не ел, Альбертина.

Тот, кто ел их, с рожденья со мною в разлуке
Пред кремлевской стеной тенью ласковой длится,
Прячет в теплую смерть воробьиные руки
От свинцового взора любимой столицы.

Наша боль не о том, а о чем — не признаться;
Вспоминай, как пришлось; перемешаны фанты,
Мнемозина не станет в дверях извиняться;
Дни твои, голубок, — голубые пуанты.

Не пора ли забыть о навязчивом вздоре?
Полночь. В памяти стынет невесомое древо...
Выпью горького чаю от полуночной хвори.
Боже, горечь какая! Что ты сделала Ева?

1975 г.

Уже как-будто тело ветер носит —
Сорвет, закружит и задует в щель,
А Мнемозина так не ждет и просит
Честного бисера на бархатный кошель.

Уж эти просьбы — крики да угрозы,
Как изумруды в черных волосах;
Как злые раны, ей дымились розы,
И слово умирало на устах.

Но страшно думать, в ярости бесцельной,
Сплетая наспех золотую ложь,
Ты, как Арахна, в нежной богадельне
В беспамятстве повиснешь и умрешь.

Другая мне споет как вечность тает,
Последние мгновенья вороша,
Как в новом небе с птенчиком играет
Моя десятилетняя душа.

1975 г.

Я все думал ни о ком
Не о том, с чем душа простилась —
Это тело переместилось,
Как бокал с круговым вином.

Важно только найти предлог,
Чтоб явиться к себе с повинной;
С нежным дымом, как с пуповиной,
Связан помысла голубок.

И уж некуда вновь бежать,
Коль душа призывает судий,
Разве важно, в каком сосуде
Божий дар нам не удержать.

Некий брат на моей оси
Миллионную розу курит
И роняет щепотку дури —
Душе Святой, спеши, спаси...

1975 г.

1

Посреди тягучих бредней
 Черный патефон стоит.
 Голос пифии последней
 Шепчет, щелкает, шипит.

Таает в смерти безымянной,
 Задыхается в тоске
 Дом фонтанный, храм туманный
 Слов дремучих на песке...

11

В слове, тобою омоленном, я оживу
 Дымом, обиденкой, пеплом осеннего сада,
 Утренним звоном, связавшим коня и траву,
 Скорбным звеном родового и злого распада.

В ссыльном вагоне под жалобным небом твоим,
 Чтобы в глуши, в тесноте, между смехом и страхом,
 Легкий хаос начертать на бумаге, засим —
 В смерти твоей бессловесным рассыпаться прахом.

Посох осенний, как кранахов рог изобилия,
 Ждет Иудея Церера, германская дочь;
 Пряжа горит, и глаза, как бессонные крылья
 Мыши, летящей на белое в черную ночь.

111

Я, как тень, меж собою и вами.
 Что за блажь кутить с мертвяками,
 С окольцованными словами
 Слово в прошлое посылать?

Не сочтите, что казнь жестока,
 Третий раз поклонюсь Востоку,
 Окунусь в купельное око,
 Чтобы мертвых не узнавать.

1У

Смотри, слепое слово бродит,
Но рыба утаит глагол,
Где спелый ум на крест восходит,
Отечество поет щегол.

И тело, превращаясь в розу,
Забыв добро, не помнит зла.
Лев попросил извлечь занозу,
Синица море подожгла.

1975 г.

П Е Й З А Ж

Могильный островок, соль в земляной солонке,
Крупницы соли в рясах земляных,
Изящество поста, изысканный и тонкий
Над трапезой благословенный стих.

Я там умру в июле на молебне,
До времени, когда воскреснет плоть
С трубой ангельской. Что может быть целебней
Господней крови, разве сам Господь!

1974 г.

Убить красоту — когда до-
буются цветами — закричать:
"Начальник едет!"

Из китайской премудрости.

Нет, не Фьоренца золотая
Нас папской роскошью манит,
Савонарола из Китая
Железным пальчиком грозит.

О век — полуистлевший остов!
Но я, признаться, не о том,
Ведь красоту убить так просто,
Испортив воздух за столом.

Русь избежит стыда и плена —
Ей красоты не занимать,
Начнет российская Елена
Больные ноги бинтовать.

Пока Европа спит и бредит,
Случается, то там, то тут:
Москва горит, начальник едет,
Цветы безумные цветут.

1975 г.

Э М И Г Р А Н Т У Лукоморья дуб зеленый.

Послушай, что ты говоришь?
 За делом на войне не тужат,
 Лишь крупный зверь о славе тужит,
 А мелкий бес летит в Париж.

Там Витебском расписан дом,
 Французский день Жар-птицей начат,
 И два любовника маячат
 В небесной зыбке под кустом.

Последних звезд, и век горчит,
 А там, где горечь, нет соблазна,
 Тоска безглава, безопасна,
 И Марсельеза не звучит.

От страха забывает имя
 Булонский лес перед грозой,
 И плачет церковкой-слезой
 Американец-проходимец.

Лес окропился звоном слез,
 Но раком съеден луг зеленый;
 Лежит астматик утомленный
 В букетах буржуазных грез,

Там мир безумней и косней
 И некогда молить о Даре,
 По уголкам сознаний шарит,
 Крутясь, ирландское пенсне.

Там по ночам мурлычит ужас,
 Кот заплутавшихся грехов
 Среди бесчисленных стихов,
 Жоржеток, монплезиров, кружев.

А нам под сенью двух столиц
Не надоело жить с опаской,
Питаться лаской да указкой
Рязанско-энских кружевниц.

Да-а... здесь такая благодать...
Да что ты говоришь?— Послушай!
как неизреченны души,
Утраченные, словно ять!

1975 г.

СЕНТЯБРЬСКОЕ ПРОВИДЕНИЕ

Все ангелы, да злые сквозняки
Шумят, бормочут, пачкают алфавит.
Слова плывут беспомощны, легки,
И ходом разговора леший правит.

Задумчив, осторожен и безлик,
Стирает он последних смыслов грани,
Но чудится ему иной язык —
Глухих кровей и междометий брани.

Не брачный пир, но бранный вой и сечь,
Не погребений тихая отрада,
Но враний хор, но разделений меч
И блеянье замученного стада.

Не погребенные, да почитют слова,
Чтоб вспомнили рассеянные ныне
Советника Орла и Друга Льва
И Голос Вопиющего в пустыне.

1974 г.

С Т А Н С Ы

Аз есмь червь, а не человек
Псалом Давида

Я укорял себя: мой бред —
Я говорил — порочен
Меж теми, кто угрюм и сед,
Упрям и сердцем точен.

И я отправил блажь свою
На почту Безымянных,
Но вот, я все еще стою
Среди столбов песчаных.

А те, кто предо мной стоял,
Когда я плыл в эфире,
Безумства выпили фиал
И вспомнили о мире.

Так, в озабоченном краю,
В бегах и разговорах
Открыли будущность свою,
Как открывают норы.

Закрыта будущность моя,
Но среди прочих знаков
Ты возлюбил узор червя,
Блаженный сын Иаков.

Мольба смиренного слепца —
Благодеяний нива —
Для жизнедавца и Ловца
Отменная пожива.

Ты весь у Господа в руке,
В сетях словесных нитей...
О, Червь на огненном крючке,
Господь мой и Спаситель!

П

— Поговори со мной, душа.
Вина, как видишь мало,
Перед очами два шипа
И мрака до отвала.

— Я жертва, я овца...

— Постой,
к чему сие безумство,
когда влечет плодов настой
и века вольнодумство?

— Я жертва, я овца...

— Постой,
но жертвенности мало,
перед очами век пустой
и мрака до отвала.

— Я жертва, я овца...

— Ступай
в свое овечье стадо,
Сердечный мрак не вспоминай —
овце ума не надо.

— Я вспоминаю имена,
которыми отныне
изумлена, обличена
Марию в пустыне.

— Ты вспоминаешь имена
своих овец не боле...
Смотри же, пьяная страна —
Зверь в роковой неволе.

— И я невольница чуть-чуть,
от Господа — опала,
но Жертвой обозначен путь,
и света до отвала.

— Отвальную, теперь, конец
вина нам не хватило!

— О, Боже, как красив венец,
как славно все, что было!

— Ступай, безумица, ступай
в свое овечье стадо —
быть может, вспомнишь невзначай...
Постой, душа, не надо.

111

Авессалом, бунтарь, орех —
Повис самоубийца.

Я среди выпрепностей всех
Узнал тебя, девица.

К чему, Мария, средь зверей
Ты плачешь и бормочешь?
Есфирь, душа души моей,
Проси, чего ты хочешь?

Душа моя, я только царь,
Раб вековой гордыни,
Проси лазурь и киноварь,
Я только раб отныне.

Среди царей, рабов, зверей
Полудня, дня и ночи...
Юдифь, душа души моей,
Проси, чего ты хочешь?

— Я попрошу души твоей.
— Душа моя, не боле?
— Душа твоя — жилье зверей
Зверь в роковой неволе.

— Изволь я раб твой. — Не спеши,
Признания довольно.
Я знаю прелести души,
Но рабство добровольно.

— Ты не девица — вепрь и муж,
И в сговоре вас — трое.

— Люблю тебя, бесценный муж,
Усни, я все устрою.

Ты прав, любимый мой, есть течь
В моих словах, не следуй
Их простоте, но где мой меч?
Заснул. Пора. Победа.

Пиит, смеяться не спеши.
Сей плод созрел для корма,
И лишь за множеством души
Мне не достало формы.

Усни, подумай полчаса,
Как славу петь Отчизне,
Поют ли наши голоса,
И хватит ли нам жизни?

Сквозь сотню слов и Майю лет,
Сквозь маяту событий
Я вижу брошенный билет
В далекий *New-York-city*.

Я вижу земляных червей,
Где всякий одинаков,
Но щедр от Благости Твоей
Блаженный червь Иаков!

1975 г.

* / Во сне готовится матрица сознания /прим. автора/.